

Е.Д. Шелковникова

Печальный вальс Грибоедова

(с сокращениями)

Осенью 1817 будущему знаменитому литератору и дипломату Грибоедову было двадцать два года, Пушкину — всего восемнадцать. В то время великосветская молодежь северной столицы увлекалась балетом, и самой яркой звездой балетного Петербурга той поры слыла восемнадцатилетняя Авдотья Истомина.

Юная блистательная балерина вскружила голову многим петербуржцам и довольно скоро стала причиной нескольких поединков между молодыми офицерами И все же явное предпочтение Авдотья Истомина отдавала блестящему кавалергарду Василию Васильевичу Шереметеву, с которым ее видели всюду. Увы, но этот роман, протекавший поначалу легко и беззаботно, вскоре закончился весьма и весьма трагически — так называемой «четвертной дуэлью», участниками которой стали двадцатилетний В. Шереметев, его друг, двадцатипятилетний офицер А. Якубович, А. Грибоедов и его приятель, камер-юнкер, граф А. Завадовский. В случившемся, пожалуй, была виновата прежде всего молоденькая и легкомысленная Истомина, которая в очередной раз поссорилась со своим возлюбленным и решила немного развеяться, легкомысленно приняв приглашение Грибоедова выпить у него после театра чаю. Шереметев, по отзывам современников, любил Истому со всем «безумием страсти», а стало быть, и с ревностью. Поссорившись со своей возлюбленной, он следил за каждым ее шагом. Истомина знала, что Шереметев за ней подсматривает, и, не желая вводить его в искушение и лишний гнев, сказала Грибоедову, что не поедет вместе с ним прямо из театра. Место условной встречи Авдотья Истомина выбрала тоже с оглядкой — Суконную линию Гостиного двора, ночью совершенно пустынную. После спектакля Истомина в театральной карете доехала до Гостиного, встретила там с Грибоедовым и уехала к нему. Грибоедов в то время делил квартиру со своим другом Завадовским, давно и безнадежно влюбленным в Истому. Шереметев, не отступавший от своей подруги ни на шаг, наблюдал всю эту картину с пересаживаниями из кареты в карету издали. Следуя за санями Грибоедова, он вполне убедился, что Истомина приехала с кем-то в квартиру Завадовского. Шереметев был просто взбешен. Он бросился к своему приятелю Якубовичу с вопросом: «Что делать?»

«Что делать, — ответил опытный бретер Якубович, — очень понятно: драться, разумеется, надо, но теперь главный вопрос состоит в том: как и с кем? Истомина твоя была у Завадовского — это раз, но привез ее туда Грибоедов — это два, стало быть, тут два лица, требующих пули, а из этого выходит, что для того, чтобы никому не было обидно, мы при всей верной оказии составили *une partie carrée*¹ — ты стреляйся с Грибоедовым, а я на себя возьму Завадовского».

Поехали они к Грибоедову и Завадовскому объясняться. Шереметев вызвал Грибоедова. «Нет, братец, — отвечал Грибоедов, — я с тобой стреляться не буду, потому что, право, не за что, а вот если угодно Александру Ивановичу, то я к его услугам». Четвертная дуэль устроилась следующим образом: Шереметев должен был стреляться с Завадовским, а Грибоедов — с Якубовичем. Дуэль состоялась 12 ноября 1817. Стреляться назначили с восемнадцати шагов, с тем чтобы противникам пройти по шесть шагов и тогда стрелять. Первыми стрелялись Шереметев с Завадовским. Когда они стали сходитьсь, Завадовский шел тихо и спокойно, что, вероятно, вывело из равновесия Шереметева, и он, не доходя до крайнего расстояния барьера, выстрелил. Пуля оторвала

¹ партия на четверых (фр.).

часть воротника у сюртука Завадовского... и вывела противника Шереметева из себя: «L'en voulait a ma vie a la barriere»¹. Шереметев подошел к барьеру.

Ответным выстрелом Завадовский ранил противника в живот. Тот несколько раз подпрыгнул на месте, потом упал навзничь и стал, как рыба, нырять в снег. Жестокие нравы той поры хорошо характеризует язвительное замечание присутствовавшего на дуэли приятеля Грибоедова — красавца и бретера гусара Петра Павловича Каверина. Он подошел к смертельно раненному Шереметеву и прехладнокровно заметил: «Вот те, Васька, и репка!» Этими словами Каверин довольно жестоко напомнил умирающему Шереметеву шуточную традицию кадетских корпусов: вручать «орден» в форме репы тому кадету, который первым на учениях упал с лошади.

Якубович, указывая на смертельно раненного Шереметева, обратился к Грибоедову и сказал, что в эту минуту им, конечно же, стреляться невозможно, так как он должен отвезти своего приятеля домой. Поединок отложили до первой возможности, но в Петербурге дуэль не состоялась: Якубович тотчас был арестован и сослан в Грузию.

Граф В. Шереметев скончался на следующий день после поединка. Вопреки церковным обычаям, запрещающим хоронить дуэлянтов, как и самоубийц, за кладбищенской оградой, он был похоронен в Александро-Невской лавре. Так совпало, что его надгробие оказалось рядом с могильным памятником П.В. Завадовского, и каждый раз, навещая могилу отца, А.П. Завадовский проходил мимо могилы жестоко убитого им Шереметева. Как знать — случай, судьба или Бог наказали убийцу таким способом?..

Смерть молодого графа Шереметева произвела тяжкое впечатление на Грибоедова: он, безусловно, считал себя виновным в этой трагической развязке. По словам С. Бегичева, Грибоедовым «овладела ужасающая тоска», он видел «беспрестанно перед глазами умирающего Шереметева, и пребывание в Петербурге сделалось ему невыносимо». В Коллегии иностранных дел Александру Сергеевичу предложили работу за границей. На выбор представили две страны — либо Северо-Американские Соединенные Штаты, либо Персию. Грибоедов выбрал Персию. Вскоре он отправился в путешествие на Кавказ, а затем в Тегеран — навстречу своей гибели. Но дуэль Грибоедова была еще не окончена.

По приезде в Тифлис Грибоедов случайно встретился с Якубовичем и возобновил разговор о неоконченной дуэли. Дуэль Грибоедова и Якубовича состоялась 23 октября 1818, она подробно описана в воспоминаниях офицера Н. Муравьева-Карского, бывшего секундантом Якубовича. Призывы секундантов к примирению были тщетны, хотя Грибоедов и сказал Якубовичу, что он сам его никогда не обижал. Якубович на то согласился. «А я так обижен вами; почему же вы не хотите оставить сего дела?» — заметил Грибоедов. — «Я обещался честным словом покойному Шереметеву при смерти его, что отомщу за него на вас и на Завадовском». — «Вы поносили меня везде». — «Поносил и должен был сие сделать до этих пор; но теперь я вижу, что вы поступили как благородный человек; я уважаю ваш поступок; но не менее того должен кончить начатое дело и сдержать слово свое, покойнику данное». Объяснение противников кончилось традиционным: «Если так, господа секунданты пускай решат дело».

Дуэль состоялась рано утром на Татарской могиле близ дороги в Кахетию. Условия поединка были самые жесткие: с шестью шагами между барьерами и с одним шагом назад для каждого. Н. Муравьев-Карский так вспоминал о поединке:

«Мы назначили барьеры, зарядили пистолеты и, поставя ратоборцев, удалились на несколько шагов. Они были без сюртуков. Якубович тотчас подвинулся к своему барьеру смелым шагом и дожидался выстрела противника. Грибоедов подвинулся на два шага; они простояли одну минуту в сем положении. Наконец Якубович, вышедши из терпения, выстрелил. Он метил в ногу, потому что не хотел убить Грибоедова; но пуля попала тому в левую кисть руки.

¹ «Он хочет моей смерти, к барьеру!» (фр.).

Грибоедов, приподняв окровавленную руку свою, показал ее нам и навел пистолет на Якубовича. Он имел все право подвинуться к барьеру; но, приметя, что Якубович метил ему в ногу, он не захотел воспользоваться предстоящим ему преимуществом: он не подвинулся и выстрелил. Пуля пролетела у Якубовича над самым затылком и ударилась в землю... Когда все кончилось, мы подбежали к раненому, который сказал: «O, sort injustie!¹».

Говорят, будто Якубович воскликнул при этом: «По крайней мере, играть перестанешь!». В результате дуэли Грибоедов действительно потерял один палец на левой руке, что, однако, по воспоминаниям современников, не помешало ему играть на фортепиано.

По счастливому стечению обстоятельств участников дуэли к суду не привлекли: поединок удалось скрыть. Якубович вскоре отправился в свой полк, а Грибоедов, залечив рану, убыл секретарем русской миссии в Тегеран. Через шесть лет судьба поставила последнюю точку в комедии «Горе от ума». Смерть подкараулила Грибоедова в 34-летнем возрасте, в Тегеране, 30 января 1829, когда толпа религиозных фанатиков ворвалась в здание русской миссии в Тегеране и растерзала все русское посольство. Тело Грибоедова озверевшая толпа три дня таскала по городу, и его опознали только по руке, простреленной на поединке Якубовичем.

А. Пушкин на пути из Тифлиса в Каре встретил арбу, запряженную двумя волами. «Откуда вы?» – спросит Пушкин. «Из Тегерана». — «Что вы везете?» — «Грибоеда». До истории Пушкина с Дантесом оставалось семь лет.

¹ «O, несправедливая судьба!» (фр.).